

В.К.Косс

ГЕНЕРАЛЫ И ЛЮБОВНИЦЫ

18+

18+

В.К. Косс

ГЕНЕРАЛЫ И ЛЮБОВНИЦЫ

<https://litres.ru/74613072>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почти два года Наталья Белова верила, что её любимый мужчина давно живёт отдельно от жены. Генерал Виктор Громов объяснял редкие встречи службой, а осторожность — незавершённым разводом. На юбилее общего знакомого Наталье приходится фотографировать его вместе с Ольгой. Жена улыбается в камеру, поправляет платье и вспоминает их недавний отпуск. Тот самый, который Виктор якобы провёл один.

В гостинице «Сосны», где проходит праздник, Наталья сближается с Еленой и Яной. Елена девять лет встречается с женатым мужчиной, который никогда не обещал уйти из семьи. Яна знает, что её любимый свободен, но всё чаще обнаруживает: условия её работы и планы на вечер уже согласованы без неё.

После общего ужина они возвращаются каждая в свою жизнь. Наталье предстоит услышать жену Виктора, Елене — спросить о будущем, которого она прежде не требовала, Яне — отказаться от помощи, за которую приходится уступать право решать. И ни одной из них не становится легче только потому, что она поняла, что происходит

Содержание

Глава 1. Общая фотография	4
Глава 2. После гостей	14
Глава 3. Чужая помощь	22
Глава 4. Последняя поездка	29
Глава 5. Рабочая неделя	37
Глава 6. Девять лет	44
Глава 7. Разговор дома	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

В.К. Косс

ГЕНЕРАЛЫ И

ЛЮБОВНИЦЫ

Глава 1. Общая фотография

Женщина возле Виктора попросила снять её с другой стороны.

— У меня здесь глаз меньше, — сказала она Наталье и повернула лицо к окну. — На всех фотографиях так. Хотя в зеркале вроде одинаковые.

— Давайте попробуем. Только подбородок немного ниже.

Наталья поправила положение вспышки. Женщина послушно опустила подбородок, засмеялась собственной старательности и взяла Виктора под руку.

— Оль, не зажимай плечо, — сказал он.

Вот тогда Наталья нажала на кнопку. Раньше, чем собиралась. На снимке у женщины остались прикрытые глаза, а Виктор ещё смотрел на неё, ожидая, когда она поправит плечо.

— Простите. Ещё один.

Он перевёл взгляд на Наталью. На секунду дольше, чем следовало бы человеку, впервые видевшему приглашённого

фотографа. Потом улыбнулся той небольшой улыбкой, которую она знала по утрам.

Сегодня ей нужно было снять юбилей Бориса Лаврова: приветствия у входа, столы, поздравления, вручение подарков. После девяти — общий портрет. Яна просила не задерживаться на отдельных гостях, потому что их было больше восьмидесяти. Наталья заранее составила себе порядок съёмки и принесла второй аккумулятор. В гостинице «Сосны» она работала часто; знала, где лучше поставить свет, где официанты перекрывают проход и в каком углу зимой сквозит.

Почти два года назад она снимала небольшой вечер для городского благотворительного фонда. Виктор приехал без формы, в обычном пиджаке, и Наталья сначала не знала, кто он. Его просили встать у баннера, он делал это без желания, но вежливо. Позже она заметила его в холле: помогал женщине с ходунками пройти к выходу, держал дверь, ждал её маленьких шагов. Наталья сняла несколько кадров для фонда, потом подошла и спросила, можно ли использовать их в отчёте.

— Меня лучше не крупным планом, — сказал он. — Женщину тоже спросите. Она не любит, когда показывают, как ей трудно ходить.

Наталья удивилась, что он подумал об этом. Сотрудники фонда обычно просили больше эмоциональных кадров, не всегда замечая, как получатель помощи выглядит на снимке.

Она поговорила с женщиной отдельно. Та разрешила оставить фотографию, где видна только спина, а портрет попросила прислать дочери.

Через неделю Виктор позвонил по рабочему номеру Натальи. Хотел получить один кадр: женщина оказалась знакомой его матери. Наталья отправила файл, назвала стоимость печати, если нужна. Он сказал, что заплатит, и заказал два экземпляра. Пришёл забрать сам, долго стоял возле большого отпечатка на стене студии.

— Это где снято? — спросил он.

— За городом. Ребята строили маленький дом, просили снять весь процесс.

— У вас тут девушка сидит прямо на доске. Холодно ведь.

Наталья засмеялась. Обычно её спрашивали об объективе или о том, как красиво падает свет. Она объяснила, что девушка работает на стройке и устала. Виктор ещё раз посмотрел, затем спросил, поела ли сама Наталья. Она ответила, что сейчас закажет что-нибудь. Он предложил кафе через дорогу.

Она отказалась: нужно закончить макет. Он не начал уговаривать, оставил деньги за печать и ушёл. На следующей неделе написал, что предложение остаётся, если появится свободный час. Наталье понравилось именно отсутствие спешки. Она согласилась.

В кафе они просидели почти два часа. Разговаривали о работе, о городе, о том, как редко удаётся просто пройти по

улице без цели. Виктор рассказал о службе только в общих чертах, не перечисляя должности и знакомых. Наталья сообщила, что разведена. Он помолчал, затем сказал, что тоже живёт отдельно, хотя брак ещё не расторгнут.

— Не хочу, чтобы ты узнала потом, — произнёс он. — Есть жена и взрослая дочь. С женой мы разошлись. Это не быстро заканчивается на бумаге.

Наталья спросила, знает ли жена, что они разошлись. Виктор улыбнулся.

— Конечно.

Сейчас, возле праздничного зала, она вспоминала именно это «конечно». Не подробности, которые должна была догадаться проверить, а прямой вопрос и прямой ответ. Она не обязана была тогда узнавать, кто ночует в каком доме. Ей казалось, что взрослые люди способны сообщить о своей жизни достаточно, чтобы другой человек мог выбрать.

Сближались они медленно. После первых встреч Наталья часто возвращалась домой одна. Виктор не обижался, не пытался купить больше внимания. Он помнил имя её коллеги, спрашивал о сложном заказе спустя неделю, однажды принёс книгу с фотографиями, потому что увидел знакомую фамилию автора. Она не влюбилась в звание. Того, как оно влияет на его жизнь, она тогда почти не видела.

К моменту, когда начались тайные вечера, Наталья уже доверяла этому вниманию. Объяснения о публичности принимала как неприятную, но временную особенность. Никто

не объявил дату, после которой временное стало постоянным. Она просто привыкла.

Она знала, что Виктор придёт с женой.

Он предупредил вчера. Позвонил, когда Наталья уже легла, и говорил тихо, хотя в квартире, по его словам, никого не было.

— Не хотел, чтобы ты узнала на месте. Борис нас пригласил вместе. Они с Ольгой давно знакомы.

— Конечно.

— Наташ, это просто вечер. Ты понимаешь?

Она сказала, что понимает. Потом ещё минут десять держала телефон, не убирая его на зарядку. Она могла отказаться от съёмки, но деньги уже были включены в октябрьский бюджет, Яна согласовала её имя с заказчиком, а заменять фотографа за сутки до мероприятия было бы непрофессионально.

Теперь Ольга стояла в метре от неё, в тёмно-синем платье с узкой полосой бусин вдоль выреза. На левой руке — небольшое обручальное кольцо. Никакого особенного торжества по случаю собственного появления. Она искала взглядом знакомых, успевала здороваться и поправлять платье у бедра, где ткань собиралась складкой.

Наталья сделала второй кадр.

— Хорошо получилось? — спросила Ольга.

— Да.

Это было правдой. У женщины была открытая улыбка,

которую не пришлось вызывать просьбой улыбнуться. Виктор чуть наклонился к ней. На фотографии они выглядели людьми, привыкшими стоять рядом.

Следующие гости избавили Наталью от необходимости что-то добавлять. Она шагнула в сторону, проверила настройки и начала снимать пожилого мужчину с букетом, затем двух женщин из фонда, затем самого Бориса у небольшого стола с подарками. Борис громко называл каждого по имени, обнимал, несколько раз возвращался за оставленным телефоном.

Возле входа Яна разговаривала с человеком из звуковой службы. На ней было простое чёрное платье и кроссовки, которые она собиралась сменить перед выходом гостей к столам. Она показала Наталье большой палец: всё идёт нормально. Наталья кивнула.

До первого тоста удалось отснять почти половину обязательных кадров. Она поработала в зале, затем вышла в служебный коридор, вынула из сумки воду и выпила. Пластиковая бутылка хрустнула слишком громко, Наталья перестала её сжимать.

Она проверила телефон. От Виктора пришло сообщение: «Ты очень красивая сегодня».

Наталья посмотрела на свой рукав. Она надела обычную серую блузку, в которой было удобно поднимать руки. На одной манжете разошлась строчка, и перед выходом она успела прихватить её двумя стежками. Ничего красивого, чего он

раньше не видел, сегодня на ней не было.

Она убрала телефон, не ответив.

В зале уже рассаживались. Виктор помогал Ольге снять жакет. Она что-то сказала ему, и он, не прекращая разговора, достал из внутреннего кармана футляр с очками. Передал жене. Та надела очки, чтобы прочесть напечатанное меню, и отодвинула его к соседке.

Это могло ничего не значить. Люди, прожившие вместе много лет, не забывают, как обращаться друг с другом. Наталья знала: при расставании иногда сохраняются приличия и привычки. Её бывший муж до сих пор спрашивал о здоровье матери, когда звонил по поводу оставшихся документов.

Но очки были в кармане Виктора.

Когда Наталья забывала у него серьгу, он возвращал её в маленьком конверте. Когда оставила в квартире для встреч крем, он посоветовал держать его в шкафчике, а не на виду: иногда приходил хозяин. Она считала это обычной осторожностью человека, который не любил вмешательства в частную жизнь.

Ольге осторожность не требовалась. Её очки спокойно лежали рядом с его бумажником.

Наталья присела возле крайнего стола, чтобы снять гостей без вспышки. Виктор оказался за её спиной. Она услышала голос Ольги:

— Нам в следующий раз лучше в сентябре ехать. В августе слишком жарко. Помнишь, я два дня вообще не выходила?

— Потому что ты ходила в полдень.

— А ты в полдень не ходил?

— Я тебя искал.

Соседи засмеялись. Наталья поправила ремень на за-
пястье, чтобы не тянуть камеру на пол.

В августе Виктор уезжал на десять дней. Он сказал, что сначала будет занят, а потом проведёт несколько суток один, за городом. Наталья предложила приехать. Он объяснил, что устал от людей и не хочет никого видеть. Она обиделась, потом постаралась не принимать это на свой счёт. Подумала даже, что у него достаточно честности сказать о необходимости побыть одному.

Сейчас она вспомнила, как выбирала время для сообщения, чтобы не испортить ему тишину.

— Наташ, общий через семь минут, — сказала Яна, наклоняясь к ней. — Возьмёшь невысокую стремянку из гардероба?

— Да.

— Ты бледная. Ела?

— Потом.

Наталья съела бы, если бы смогла понять, что именно нужно сделать, чтобы проглотить еду. Пока все усилия уходили на работу. Она установила свет, принесла стремянку, объяснила гостям, как встать. Борис позвал жену, сына и старых товарищей. Виктор оказался во втором ряду; Ольга — перед ним.

— Мужчины, пожалуйста, чуть плотнее. Последний ряд, смотрим на меня. Делаем несколько кадров, потому что кто-нибудь обязательно моргнёт.

Кто-то отпустил шутку, она позволила людям посмеяться и продолжила. Наталья умела работать, когда болела голова, когда хотелось плакать, когда приходилось ждать важного звонка. Сейчас тоже получилось. На общем снимке не было видно ничего, что происходило с ней.

После одиннадцати она складывала оборудование в маленькой комнате возле гардероба. Елена принесла контейнер с едой и сказала, что шеф оставил для фотографа отдельно, без острого соуса. Наталья поблагодарила. Хотела спросить, давно ли Виктор и Ольга приезжали вместе, но остановилась. Елена не была обязана становиться свидетелем её унижения.

Виктор вошёл, когда Наталья закрывала последнюю сумку.

— Ольга уехала с подругой, — сказал он. — Я могу тебя отвезти.

Наталья поднялась.

— Не нужно.

Он посмотрел на контейнер, на чехлы, потом на неё.

— Ты устала. Давай спокойно поговорим.

— Вы отдыхали вместе в августе?

Он не ответил сразу. В коридоре звенели бокалы, которые собирали официанты. За стеной Яна объясняла кому-то, где подписать акт.

— Наташ, это сложно.

— Я спросила про август.

— Я объясню.

Она взяла тяжёлую сумку за короткую ручку. Виктор протянул руку, но Наталья отодвинула сумку.

— Сегодня не надо.

— Ты сейчас сделаешь выводы, не зная всего.

— Возможно. Сегодня я двадцать минут стояла рядом и знала меньше всех. Мне достаточно на один вечер.

Он отступил, чтобы она прошла. Не пытался остановить: здесь его могли увидеть. Наталья вышла в холл, попросила администратора вызвать такси и только тогда обнаружила, что контейнер остался на столе.

Елена вынесла его к машине. Молча поставила поверх чехла.

— Напиши, когда доедешь, — сказала она.

Наталья кивнула. По дороге водитель спрашивал, правильно ли едет, а она отвечала, стараясь не смотреть в телефон. Экран загорался несколько раз. Уже у дома она прочла одно сообщение от Виктора: «Ты неверно поняла разговор».

Она поднялась к себе, включила компьютер и начала копировать фотографии. Утром заказчик должен был получить первые двенадцать кадров.

Первым открылся неудачный портрет. Ольга прикрыла глаза, Виктор смотрел на неё. Наталья сидела, положив ладони на колени, и долго не могла удалить снимок.

Глава 2. После гостей

Елена отправила последнюю официантку домой и сама пересчитала бокалы на стойке. Два не сходились с ведомостью. Один нашли в комнате, где фотограф складывала вещи, второй стоял в цветочном горшке у выхода на террасу. Администратор сказала, что видела там сына юбиляра, но Елена попросила не выяснять, кому пришла такая мысль.

— Запишите, что оба на месте. И идите. Вам утром опять на смену.

Она любила этот час после больших праздников. Никто уже не требовал улыбаться, можно было снять туфли, открыть окно в служебной комнате и обсудить со старшим смены то, что действительно требовало внимания. Сегодня потёк холодильник, ведущий пришёл на сорок минут позже оговорённого, а за центральным столом женщина попросила блюдо, которого не было в меню. Всё удалось исправить. Завтра останется только счёт за ремонт и разговор с Яной о ведущем.

Перед уходом администратор показала Елене расчёт по напиткам. Лариса заметила, что одну бутылку открыли поздно и почти не использовали, попросила уточнить, входит ли она в счёт. Елена сказала, что входит по согласованному порядку, но предложила упаковать остаток. Лариса отказалась: неудобно везти.

Они встретились в холле, когда жена Бориса забирала пальто. Лариса благодарила за вечер и извинялась за вопросы по счёту.

— Мы же заранее всё обсуждали, — сказала она. — Я понимаю. Просто увидела и не подумала.

— Нормально. Можно спрашивать.

Лариса несколько секунд смотрела на Елену, затем спросила, довольны ли сотрудники оплатой за позднее время. Елена ответила, что дополнительный час заложен отдельно. Жена Бориса кивнула с облегчением.

— А то он всегда думает, что люди просто помогают. Я сегодня тоже так сказала официанту: спасибо, что помогли. Потом поняла, что человек на работе.

Елена почувствовала, как трудно смотреть ей прямо в глаза. В девять лет поместились и такие разговоры: обе знали, как он принимает чужую готовность, только знали из разных частей его жизни. Она могла бы ненавидеть Ларису, если бы та была высокомерной, жестокой, холодной. Та спрашивала об оплате сотрудников и носила в сумочке пластырь, потому что у мужа иногда натирал ботинок.

— Всё оплачено, — сказала Елена. — Не беспокойтесь.

Лариса ещё раз поблагодарила и ушла. Борис ждал у машины, держал дверь. Они уехали вместе. Елена смотрела недолго, затем вернулась в зал проверить последний стол. Ей было стыдно за желание найти в жене человека, рядом с которым его измена стала бы понятнее.

В первые годы она редко думала о Ларисе. Тогда собственная жизнь была настолько тяжёлой, что вопрос о чужой боли казался непосильным дополнением. Теперь не могла сохранить это незнание намеренно. Никто не сообщил Ларисе условия, на которых Елена и Борис считали свою связь честной. Готового решения у Елены не было. Но теперь, думая о Борисе, она всё чаще вспоминала и Ларису.

Борис обещал вернуться к половине двенадцатого.

Обычно Елена не ждала его здесь. У гостиницы был второй собственник, её двоюродный брат Вадим, и сотрудники умели сопоставлять то, что видели. Девять лет таких встреч не делают человека незаметным. Но в ночь юбилея Борис собирался остаться в одном из номеров, а Елена заранее сказала администратору, что тоже ночует: утром приедет поставщик.

Она поставила два прибора в маленькой комнате за кухней. Оставила кусок его любимого пирога, переложила на блюдо холодное мясо, прикрыла всё салфеткой. В ресторане был торт с цифрой шестьдесят; этот пирог она испекла сама, в своей квартире, вчера вечером. Борис знал. Позвонил утром и спросил, не забыла ли она положить больше яблок. С ним можно было говорить о смешных домашних вещах, а потом неделями видеть лишь сообщения в коротких промежутках между его делами.

В двадцать пять минут первого он написал, что провожает родственников.

Елена набрала: «Я здесь». Стёрла. Он и без неё знал, где она.

Она пошла проверить пустой зал. Возле окна стояла ваза, которую попросила принести Лариса. Жена Бориса сегодня много занималась гостями: уточняла, кто уже приехал, следила, чтобы к старшим подошли поздороваться, пыталась усадить мужа на пять минут. Елена иногда смотрела на неё, не задерживая взгляда.

С Ларисой они познакомились раньше, чем начались отношения с Борисом. Та бронировала гостиницу для приезжавшей сестры. Говорила вежливо, по делу, не просила скидку. Потом они несколько раз встречались на общих мероприятиях. Лариса называла её Леной.

Елена не считала себя обманутой. Девять лет назад, когда Борис впервые приехал к ней без делового повода, он сказал: — Я женат. Уходить не собираюсь. Не хочу, чтобы потом было иначе понято.

Ей было тридцать пять. Муж умер за три года до этого, дочь ещё училась в школе, на гостинице висели долги. Она не могла представить, что снова пустит в свою повседневность взрослого мужчину: его вещи, болезнь, тревогу за него. Борис приходил ненадолго, внимательно слушал, иногда отвозил в другой конец города, не предъявлял требований к дому. Тогда это казалось достаточным.

Он не изменил условий. Изменилась она.

Елена закрыла окно. На телефоне было сообщение от Ка-

ти: «Ма, ты во сколько?»

«Поздно. Ты ложись».

Дочь жила отдельно, но заехала сегодня за книгами. На следующей неделе у неё начинались занятия, и она обещала оставить матери сырники. Елена посмотрела на своё блюдо с пирогом и вдруг подумала, что дома могла бы поесть с дочерью. Они редко совпадали по времени. Она сама выбрала этот вечер, знала, на что его тратит, и всё равно ей захотелось сердиться на Бориса.

Он приехал после часа. Без праздничного пиджака, в одной рубашке, с мокрыми волосами: на улице шёл дождь. Из машины достал маленький букет.

— Подъезжал к круглосуточному, — сказал он, поцеловав её в щёку. — Ты сегодня герой.

— Что-то случилось?

— С Ларисой? Нет. Павел хотел ещё посидеть. Давно не выбирались все вместе. Ну как я уйду?

Елена налила чай. Он сел, с удовольствием потянул к себе тарелку, начал рассказывать, кто сколько сказал за вечер. Свою усталость она не могла поставить рядом с его семейными обстоятельствами так, чтобы он её заметил. Усталость казалась мелкой. Праздник бывает раз в году. Сын живёт в другом городе. Жена готовилась.

Борис попробовал пирог, закрыл глаза.

— Вот. Это я ждал весь день.

Она посмотрела на часы.

— Останешься?

Он перестал жевать на секунду.

— Лен, не получится. Лариса завтра рано уезжает к сестре. Нужно отвезти. И Павел у нас.

— Ты говорил, что останешься.

— Тогда ещё не было ясно, приедет ли он. Я и номер тебе не подтвердил.

Номер действительно не был подтверждён. Елена помнила это: двести шестой она закрыла в системе сама, не дождавшись звонка. Он предложил ещё в сентябре, потом они не возвращались к разговору. Ей не хотелось уточнять, чтобы не выглядеть настойчивой.

— Пирог с собой собрать? — спросила она.

Борис улыбнулся.

— Не стоит. Я ещё приеду.

Елена отложила салфетку. Он рассказал о новом режиме после отставки: можно будет не вставать так рано, наконец съездить в рыболовный посёлок, больше читать. Пока говорил, она считала, что нужно оплатить до конца месяца. Страховка. Холодильник. Аванс за новое бельё. Люди утром придут на работу и получают вполне бодрого руководителя. Эта часть жизни требовала от неё меньше усилий, чем сидеть ещё четверть часа и не испортить Борису день рождения.

— Ты меня слышишь? — спросил он.

— Да. Рыбалка.

— Я про нас говорю. Времени будет больше. Буду приез-

жать, когда захочу.

— А если я не смогу?

Он удивился.

— Договоримся. Чего мы никогда не договаривались, что ли?

Елена взяла его за руку. Ей всё ещё нравилось, как он сидит рядом: широко, удобно, чуть подавшись к столу. Она помнила, как привезла однажды Катю из больницы и до самого утра не могла успокоиться. Борис приехал, когда дочь уже уснула. Сидел с ней на кухне, не говоря, что всё обойдётся, просто слушал. Она не могла сделать девять лет плохими одним движением, чтобы легче было от них отказаться.

— Я сегодня тебя ждала, — сказала она.

— Знаю. Прости. Такой вечер.

Он сжал её ладонь и потянулся поцеловать. Елена ответила. Потом он ещё несколько минут стоял у двери, проверяя телефон и вспоминая, куда положил ключи. Ей хотелось сказать что-то, что заставит его остановиться. Но она не понимала, какой ответ теперь сможет ей помочь.

Борис уехал без двадцати два.

Елена сложила нетронутое мясо в холодильник. Отдала двести шестой обратно в продажу, хотя на одну оставшуюся ночь туда уже никто не заселится. Букет поставила в воду на служебной кухне. Дома Катя спала на диване, поджав ноги, а на столе стояла закрытая коробка с сырниками.

Елена переоделась и села рядом с дочерью. Не стала бу-

дить. Катя заворочалась, приоткрыла глаза.

— Ты вернулась?

— Да.

— Я думала, утром тебя дождусь.

Елена поправила на ней плед.

— Не получилось остаться.

Дочь посмотрела на неё внимательнее, но ничего не спросила. Придвинулась, освобождая половину дивана. Елена легла рядом поверх покрывала. Утром шея будет болеть, а пока ей не хотелось идти в спальню. Катя сонно положила ей ладонь на плечо, как делала совсем маленькой, проверяя, никуда ли мать не уйдёт.

Елена думала, что завтра объяснит себе этот вечер иначе. Не так, как сейчас. Утром всегда находились более разумные слова.

Глава 3. Чужая помощь

В понедельник Яна узнала о новом заказе из письма с темой «Подтверждение договорённостей».

В договорённостях участвовали человек, которого она не знала, и Игорь. Её агентство должно было организовать двухдневную встречу руководителей сети клиник: зал, питание, гостиницу, вечернюю программу и транспорт. В письме указывалась сумма, которой едва хватало на площадку и проживание.

Яна перечитала его дважды, затем позвонила Игорю.

— Ты говорил с Ковалёвым?

— Да. Сказал, что у тебя всё получится. Хорошие люди, серьёзная компания.

— А сумму кто назвал?

— Он. Что, мало?

— Я ещё не считала. Но проживание тоже входит.

— Уточни. Наверняка не так поняла. Я сейчас занят, вечером посмотрим.

После звонка Яна села за расчёт. Офис состоял из двух комнат над магазином тканей. В соседней Даша резала бейджи для другого мероприятия; слышно было, как она сдвигает рычаг резака. На подоконнике сушились детские рисунки, которые оставила дочь бухгалтера. Во время юбилея Бориса в офисе протекло окно, и бухгалтер не придумала дру-

того места, где можно было бы их спасти.

Яна нашла прошлогодние цены, позвонила в три гостиницы и выяснила, что в нужные даты одна занята, вторая закрывает этаж на ремонт, а третья требует половину суммы вперёд. Елена могла предоставить часть номеров, но не весь объём. Понадобилась бы отдельная машина между площадками. К одиннадцати Яна знала: предложенный бюджет не покрывает расходы даже без оплаты её команды.

Она написала заказчику список вопросов. Ответ пришёл через пять минут: «Игорь Валентинович сказал, что вы подойдёте гибко. Мы хотели бы сохранить обсуждённую стоимость».

Даша вошла с пакетом печенья.

— Опять кто-то просит красиво и за спасибо?

— Пока неясно.

— Ты с этим лицом обычно уже всё поняла.

Яна попросила её принести таблицу прошлых проектов. Не хотела говорить о человеке, который помогал ей получить клиентов. На стене висела фотография с открытия большого спортивного центра. Контракт она получила благодаря Игорю, а выполнила сама. Три недели почти не спала, находила замену подрядчику, ездила за аппаратурой в соседний город. После открытия к ней пришли ещё две компании. Игорь никогда не говорил, что это его заслуга. Ему не требовалось говорить.

Они познакомились год назад на небольшом приёме. Яна

забыла поесть, стояла за перегородкой возле кухни и пыталась открыть батончик одной рукой. Игорь остановился, взял ножницы у официанта, помог с упаковкой. Потом спросил, кто виноват в том, что она ужинает так. Яна ответила, что она сама. Он засмеялся и впервые за вечер предложил ей сесть.

Она тогда знала о его разводе от знакомых. Позже познакомилась с сыном, встретила однажды бывшую жену, забывая с Игорем документы. Никаких тайных квартир и обещаний, что потом всё изменится. Яна гордилась этим спокойствием. Она достаточно работала с состоятельными людьми, чтобы видеть, как нередко устроена их личная жизнь.

После обеда Игорь прислал фотографию маленького стола. Нашёл для её кухни: предыдущий шатался, Яна постоянно подкладывала под ножку бумагу. Она попросила прислать размеры. Он ответил, что уже заказал, подходит примерно такой же.

Яна открыла снимок ещё раз. Стол был красивым, но шире прохода возле холодильника. Она написала об этом. Игорь сказал, что привезут, посмотрят на месте, при необходимости переставят мебель.

Ей хотелось обрадоваться. Он помнил, что она жаловалась, потратил время, выбрал хорошую вещь. Если отказаться, придётся объяснять не только размер, но и то, почему не нравится самостоятельное решение. Яна поймала себя на желании просто убрать старый стол и потерпеть неудобство. Так было бы меньше разговора.

Вместо этого отправила фотографии кухни с рулеткой. Написала, что такой размер не подходит и нужно отменить заказ до доставки.

Игорь позвонил.

— Ты даже не посмотрела его вживую.

— Я посмотрела кухню. Там дверь холодильника не открывается.

— Можно повернуть.

— Тогда не пройти к окну.

Он помолчал, потом попросил не делать трагедию из стола. Яна ответила, что именно поэтому и хочет отменить его до того, как принесут.

Заказ отменили. Яна отложила телефон, но продолжала думать о том, как долго объясняла очевидное: новый стол не поместится в её кухне.

Она любила его заботу. Любила возможность не думать обо всех мелочах сразу. Но некоторые вещи, которые начинались как облегчение, требовали от неё отказаться от неудобного собственного ответа. Ей предстояло научиться различать это раньше, чем в квартиру привезут стол.

Вечером Игорь приехал к ней домой и принёс продукты. Из сумки достал зелень, рыбу, сыр, который она любила. Снял часы, начал мыть руки.

— Давай поедим, потом цифры.

— У меня к утру нужен ответ.

— Вот и ответим. Я же приехал.

Яна положила расчёт на стол. Пока он готовил, объяснила про номера и транспорт. Игорь слушал, несколько раз уточнил фамилии владельцев, затем взял телефон.

— Позвоню Панкратову. У него есть место. Сделает нормально.

— Я ему звонила. У него мероприятие на весь корпус.

— Для тебя — да. Для меня найдёт.

Она потянулась к его руке, остановила прежде, чем начался звонок.

— Игорь, я не хочу, чтобы кого-то выселяли ради нас.

Он посмотрел на её пальцы на своём запястье.

— Ты серьёзно думаешь, что я собрался выселять людей?

— Я не знаю, что ты ему скажешь.

— Скажу, что есть задача. Он предложит решение.

— Мне нужен бюджет, в котором задача выполняется без твоего звонка.

Игорь убрал телефон. Рыба на сковороде начала поджариваться, он перевернул её слишком резко; масло попало на руку. Яна протянула полотенце. Он вытер кожу и положил его обратно.

— Я пытаюсь облегчить тебе жизнь. В чём проблема?

Она хотела объяснить, что уже вторую неделю согласовывает с ним то, что раньше решала сама. Какие компании брать, где арендовать оборудование, с кем поговорить. Ничего плохого не происходило сразу. Она получала выгодные условия, полезные номера телефонов, своевременные сове-

ты. А потом обнаруживала, что боится не воспользоваться предложением: он обидится.

— В том, что сумму согласовали без меня.

— Я не согласовывал. Просто не стал торговаться за тебя по телефону.

— Но человек считает, что мы договорились.

— Ну объясни. Ты же умеешь.

Она молча разложила тарелки. Игорь считал разговор завершённым. За ужином рассказал о сыне: Антон хотел на месяц уехать к другу, при этом не понимал, сколько будет стоить жильё. Игорь попросил просчитать всё заранее и обиделся на ответ, что отец снова не доверяет.

— Одно и то же слышу, — сказал он. — Все хотят самостоятельно, а расчёт просить нельзя.

Яна подняла глаза.

— Ты сейчас меня с Антоном сравнил?

— Нет. Что ты в каждом слове ищешь?

Ей пришлось сдержать ответ. Она не хотела проводить вечер в споре, в котором её главным недостатком окажется манера слышать. Они убрали посуду, Игорь обнял её у раковины, она прислонилась к нему. С ним было хорошо, когда не требовалось принимать решения. Яна всё чаще замечала это условие.

Утром она отправила Ковалёву два расчёта: полный проект и сокращённый, без вечерней программы, с иной площадкой. В обоих стояла реальная стоимость её работы.

Он ответил, что обсудит с Игорем Валентиновичем.

Яна написала: «Предложение направляю от имени агентства. По условиям исполнения прошу обращаться ко мне».

Нажала кнопку и почти сразу пожалела о резкости. Потом прочла своё письмо ещё раз. Резкого в нём не было. Это тоже пришлось заметить.

Глава 4. Последняя поездка

Наталья назначила встречу на среду. Два дня ей понадобились, чтобы отдать фотографии и перестать отвечать Виктору только мысленно.

Она выбрала кафе возле своей студии. Там по утрам почти никого не было, а после разговора можно было пешком дойти до работы. Не хотела идти в квартиру, где проводила с Виктором выходные: там слишком многое подсказывало, как они обычно мирятся.

Он пришёл раньше. Сидел за столом у стены, положив перед собой меню, хотя всегда заказывал один и тот же завтрак. Когда увидел её, встал. Наталья не дала себя поцеловать, просто села напротив. Его лицо изменилось, но он ничего не сказал.

— Я заказал тебе кофе.

— Спасибо.

Она сняла куртку, аккуратно положила рядом сумку. Внутри лежал список вопросов. Наталья записала их от руки, чтобы не забыть, если начнёт плакать. Пока доставать лист не хотелось: это сделало бы её похожей на человека, заранее подготовившего обвинение. Он ничего не принёс, кроме привычной уверенности, что сможет с ней поговорить.

— Вы отдыхали вместе в августе?

Виктор кивнул.

— Да.

— Почему ты сказал, что один?

— Потому что знал, как ты воспримешь. У Ольги накопились проблемы. Мы давно обещали эту поездку.

— Кому?

— Друг другу. Ещё раньше.

— Когда раньше?

Он посмотрел на стол. Наталья впервые с начала встречи почувствовала, что сможет говорить. Ей не требовалось быстро понимать всю его жизнь. Можно было спрашивать по одному вопросу.

— Весной, — сказал он.

Весной они с Виктором ездили за город, остановились в маленьком доме на три ночи. Он готовил на улице, она фотографировала его в старой куртке. На второй вечер они обсуждали, что летом смогут уехать куда-нибудь вместе. Виктор просил не бронировать заранее: неясно со службой. Наталья согласилась.

— Весной ты обещал поездку ей, а мне говорил, что пока ничего не знаешь?

— Это не было твёрдое обещание. Мы просто говорили.

Принесли кофе. Наталья дождалась, пока официант отойдёт. Хотела взять чашку и поняла, что дрожит кисть. Положила руку на колено.

— Ты живёшь дома?

— Иногда.

— Сколько ночей в неделю?

— Наташа, ну что за подсчёт?

— Где ты живёшь?

— В основном там. Вещи, кабинет. Ольге так спокойнее.

Он сказал это с небольшим раздражением. Её вопросы делали обстоятельства некрасивыми, хотя он явно надеялся рассказать о них иначе.

— Ты мне говорил, что снял отдельную квартиру после того, как вы разошлись.

— Я снял. Мы там встречаемся.

— Я думала, ты там живёшь.

— Я бываю. Наташ, мы с Ольгой в разных комнатах.

Очень давно.

Она вспомнила, как однажды заехала туда днём за зарядным устройством. В холодильнике лежали продукты только для ужина, его щётка стояла совершенно сухая, а в шкафу нашлись две рубашки и один свитер. Тогда она решила, что он мало заботится о быте. Купила чай, соль, мыло. Ей нравилось вносить в эту квартиру небольшие удобства, которые он принимал с благодарностью.

Официант принёс его завтрак. Виктор попросил оставить, хотя есть явно не собирался. Наталья смотрела на аккуратно нарезанный хлеб и пыталась не сделать из него ещё одну причину жалости. Ему тоже было трудно. Это не делало её вопросы излишними.

— Ты кому-нибудь сказал, что встречаешься со мной? —

спросила она.

— Борису. Игорю. Они знали.

— А я думала, что ничего нельзя рассказывать.

— Я не запрещал тебе.

Наталья вспомнила три разговора. Первый — когда мать спросила, кто её отвёз. Второй — когда Яна заметила мужскую куртку в машине. Третий — когда знакомая пригласила её с парой на небольшой праздник. Виктор не говорил слово «запрещаю». Просил не торопиться, пока дома не закончены дела. Она каждый раз соглашалась.

— Ты просил подождать, — сказала она. — Я ждала. А ты рассказывал друзьям.

— Это близкие люди. Они не станут обсуждать.

— Но им можно знать, что ты любишь. А моим близким нельзя знать, что люблю я.

Виктор поднял глаза. Впервые за встречу он, кажется, услышал не обвинение во лжи, а устройство жизни, которое сам предложил. Наталья почувствовала желание продолжить, объяснить всё настолько ясно, чтобы он сразу понял. Остановилась. Она сжала пальцы на коленях. Если снова начнёт объяснять за него, так и уйдёт, не получив ответа.

Он взял вилку, положил обратно. Рядом женщина поправляла ребёнку шарф перед выходом. Наталья вдруг поняла, как мало у них было разговоров, в которых не требовалось учитывать его расписание. Даже сегодня он написал, что сможет до половины двенадцатого. Она подстроила работу.

И только сейчас вспомнила, что тоже могла назвать время.

— Мне придётся уйти к одиннадцати, — сказала она.

— Конечно.

Он произнёс то же слово, что в их первый разговор о браке. Наталья заметила совпадение и не стала делать из него знак. Просто посмотрела на часы.

Наталья достала лист.

Виктор посмотрел на него, потом откинулся на спинку стула.

— Мы теперь по пунктам?

— Мне так легче.

Она увидела первый вопрос, на который уже получила ответ, и зачеркнула его. Второй тоже. Только тогда заметила, насколько неуверенно сформулировала третий: «Есть ли у вас намерение что-то менять?» Как будто речь шла о незнакомом заказчике.

— Ольга знает обо мне?

— Пока нет.

Он произнёс это тихо. Наталья кивнула, чтобы показать, что слышала. На юбилее Ольга благодарила её за фотографии. Просила прислать один портрет отдельно: хотела подарить матери. Они стояли рядом, говорили о свете, и только Наталья понимала, в какой разговор на самом деле попала.

— Значит, вы не разошлись.

— Можно жить в одной квартире и не быть вместе.

— Можно. Но ты говорил, что съехал. Это другое.

Виктор наклонился к ней.

— Я люблю тебя.

Наталья сразу захотела ответить. Эти слова действовали раньше, чем она успевала что-то решить. Она помнила, каким он был рядом, когда зимой повредила руку. Привозил еду, помогал застёгивать куртку, один раз сам отвёз заказчику готовые отпечатки. Не говорил, что занят, хотя она знала, что у него были дела. Она скучала по этому человеку уже третий день.

— Тогда почему я должна выяснять, где ты спишь?

Он опустил глаза. Долго мял салфетку между пальцами. Она не видела его таким прежде и почувствовала жалость, которой испугалась: жалость снова могла помочь ему обойти вопрос.

— Я не знал, как начать, — сказал он. — С Ольгой. С дочерью. Все привыкли, что у нас нормально. И у нас действительно не было скандалов. Дома спокойно. Я прихожу и понимаю: если скажу, это всё изменится. А на следующий день снова какое-нибудь дело.

— И я ждала.

— Ты мне никогда не ставила сроков.

Наталья посмотрела на него. Он сразу понял, что сказал, и потянулся через стол.

— Я не это имел в виду.

Она отвела руку.

— Нет, это тоже. Я тебе не ставила сроков. Ты сообщил,

что уже всё решил. Мне нечего было требовать.

Она убрала лист в сумку. Не получила ответа только на вопрос о будущем. Теперь задавать его казалось бессмысленным: Виктор мог пообещать что угодно, лишь бы она осталась.

— Что мне сделать? — спросил он.

— Я не хочу составлять тебе порядок разговора с женой.

— Ты уйдёшь?

— Сегодня — да.

У выхода он снова хотел взять её за локоть, привычно, как делал на лестнице. Наталья остановилась, посмотрела на его руку. Виктор убрал её.

В студии Артём занимался печатью. Он молча передал ей заказ, спросил, готов ли макет свадебной книги, и показал, где на одном из кадров ушёл цвет кожи. Наталья села за компьютер. Работа требовала видеть различия, которые теперь казались смешными: чуть теплее, чуть холоднее, тень на лбу, линия обрезки.

Артём принёс ей чай вместо кофе. Она хотела сказать, что уже пила, но посмотрела на чашку и вспомнила: утром так и не сделала ни одного глотка.

Через час пришло сообщение от Виктора: «Я сегодня поговорю дома».

Наталья прочла, поставила телефон экраном вниз и вернулась к фотографии. Через несколько минут всё-таки перевернула его. Никакого нового сообщения не было. Она ещё

долго возвращалась к нему, хотя злилась на себя за каждую такую проверку.

Глава 5. Рабочая неделя

В четверг Наталья по ошибке отправила клиентке фотографии чужого ребёнка.

Дети были примерно одного возраста, съёмки проходили в одном парке, и папки лежали рядом. Женщина ответила через минуту: «Красиво, но это не Ваня». Наталья извинилась, проверила ссылку и отправила нужную. Десять минут сидела перед экраном, представляя, что могло бы оказаться в другой папке, если бы ошиблась не сегодня.

Она привыкла считать работу местом, где личные неприятности перестают иметь значение. Теперь даже простые действия приходилось проверять. На съёмке выпускного альбома забыла снять крышку со второго объектива. Дома оставила включённый утюг, которым гладила фон. Вернулась с лестницы, хотя перед выходом обычно обходила квартиру.

Виктор сообщил, что дома поговорить не получилось. Ольга плохо себя чувствовала, он не хотел добавлять ей тревоги. Наталья ответила только вечером: «Понятно». Он спросил, может ли приехать. Она не стала отвечать.

На пятницу было назначено согласование с Яной. Они собирались поехать к заказчику детского центра, показать снимки и обсудить открытки. Наталья должна была подготовить двадцать вариантов. К полудню оставалось двенадцать,

остальные требовали обработки. Она подумала, что доделает по дороге на ноутбуке, но батарея оказалась разряжена.

Яна ждала её в офисе. На столе лежали распечатки документов, Даша разговаривала по телефону в соседней комнате.

— Где варианты с большой группой? — спросила Яна.

— Сейчас добавлю.

— Ты сказала, что всё готово.

— Почти. На них свет поправить.

— Наташа, через сорок минут встреча.

Наталя открыла ноутбук, нашла шнур. Яна отошла, чтобы дать ей место. В течение нескольких минут они слышали только Дашин голос за дверью. Затем Яна остановилась возле окна.

— Ты со среды постоянно переносишь. Я могу тебя заменить на следующем проекте, если тебе сейчас трудно.

— Не нужно меня заменять.

— Тогда мне нужно получить работу вовремя.

Наталя подняла голову.

— Получишь.

— Я не могу каждый раз говорить заказчику, что вот-вот. У меня люди уже спрашивают.

Ей захотелось ответить, что Яна сама несколько раз переносила сроки, что Наталя тогда ничего не говорила, что за последние три года она вытянула десятки съёмки без единой жалобы. Все эти доводы были правдой, но сегодня они не

делали фотографии готовыми.

— Мне нужен час, — сказала она.

— У нас его нет.

— Тогда поезжай с этими. Остальные отправлю к вечеру.

Яна молча собрала папку. Перед выходом сказала, что согласование оплатит по договору, но допечатку, если потребуется ещё одна встреча, Наталье придётся взять на себя. Это было справедливо. Именно поэтому Наталья едва не расплакалась после её ухода.

Даша принесла стакан воды, не задавая вопросов. Наталья выпила, закончила обработку и сразу отправила файлы. Потом написала Яне: «Я сорвала срок. За повторную встречу счёт не выставлю». Несколько минут спустя пришло: «Спасибо. Сейчас обсуждаем».

Наталья поехала домой. В автобусе вдруг захотелось рассказать обо всём Виктору: о папке с фотографиями, о Яне, о том, что справедливая претензия ранит сильнее несправедливой. Раньше он выслушал бы, спросил, сколько ещё работы, потом принёс бы еду. Она набрала первые два слова сообщения и стёрла их.

Вечером позвонила мама. Спросила, как дела, получила обычное «всё нормально», после чего стала рассказывать о соседке. Наталья слушала, глядя на календарь съёмок. В конце разговора мать спросила, когда она привезёт Виктора знакомиться.

Наталья сама предложила это ещё летом. Потом несколь-

ко раз переносила, ссылаясь на его график. Мама не торопилась и до сегодняшнего дня не возвращалась к теме.

— Пока не знаю, — сказала Наталья.

— Вы поссорились?

Она молчала слишком долго.

— Наташа?

— Да.

— Сильно?

— Мам, давай я не сегодня.

Мать помолчала.

— Хорошо. Поужинай. Ты когда расстраиваешься, забываешь.

После звонка Наталья разогрела суп. Она действительно забыла поесть с утра, но ей было неприятно, что это оказалось настолько предсказуемо. Села за стол, съела несколько ложек, затем посмотрела на экран.

Виктор написал: «Не могу думать ни о чём другом».

Наталья ответила: «Я сегодня потеряла часть оплаты, потому что тоже не могла. Завтра у меня съёмка. Пожалуйста, до вечера не пиши».

Она ожидала возражения. Он прислал: «Хорошо». Через минуту добавил: «У тебя получится».

Это были нужные слова. Наталья почувствовала благодарность, затем злость на благодарность. Положила телефон в прихожей, вернулась к столу и доела суп. Ночью ещё дважды выходила проверить сообщения. Виктор соблюдал её прось-

бу.

Перед сном Наталья записала на бумаге всё, что нужно сделать утром: проверить карты, зарядить аккумуляторы, взять согласованные образцы, приехать на полчаса раньше. Обычно такой список держала в голове. Теперь голова возвращалась к Виктору всякий раз, когда между двумя действиями оставалось свободное место.

На кухне пришлось разобрать маленькую стопку неоплаченных квитанций. Одна была уже просрочена, другая выставлена с неверной суммой. Наталья открыла банковское приложение, перевела деньги, написала хозяину квартиры. Ей понадобилось сорок минут на то, что обычно занимало десять. Это были неприятные, обыкновенные последствия. Никто не видел их по её лицу на съёмке.

Она вспомнила, как после развода взяла слишком много работы. Тогда хотела доказать, что справится без бывшего мужа. Пропускала выходные, соглашалась на поздние звонки, называла цену ниже, если боялась потерять клиента. Через полгода оказалось, что работает больше, а зарабатывает почти столько же. Артём однажды просто положил перед ней таблицу часов и попросил посмотреть. Она разозлилась на его вмешательство, потом всё-таки посмотрела.

Теперь не хотелось повторять это заново. Отправила одному заказчику предложение на обычных условиях вместо обещанной себе скидки. Отказалась от съёмки на день, который уже был занят. За каждое маленькое решение прихо-

дилось платить тревогой: вдруг совсем останется без работы. Но свободный вечер тоже был нужен, даже если ничего радостного в нём не произойдёт.

Наталья выключила компьютер. Поставила будильник, легла и впервые не попыталась перед сном написать мысленный ответ Виктору. Ответа всё равно хватило бы только до следующей фразы. Она повернулась на другой бок, проверила, удобно ли лежит рука, и старалась думать о завтрашнем свете в парке.

В субботу она фотографировала семью с двумя детьми. Младшая девочка боялась камеры и прятала лицо в материнскую юбку. Наталья не стала уговаривать, предложила сначала поснимать руки: как родители держат ребёнка, как брат показывает ей маленькую игрушку. Девочка постепенно подняла голову. На сороковой минуте сама попросила снять её отдельно.

Наталья слышала знакомую радость от удачной работы. Она не делала ничего особенного: только смотрела, ждала и вовремя замечала. По дороге домой купила продукты, заказала второй аккумулятор вместо старого и отправила Яне недостающие печатные размеры. На час личная жизнь не занимала её целиком.

Вечером она открыла сообщения Виктора и впервые прочла их без спешки. Потом написала, что им нужно ещё поговорить. В собственной квартире, не в кафе. Ей хотелось услышать всё до конца, прежде чем принимать решение, ко-

торое уже начало складываться.

Глава 6. Девять лет

В воскресенье Катя привезла матери маленький столик. Купила его с рук для новой квартиры, но стол оказался выше подоконника и теперь должен был постоять у Елены до следующей продажи.

Они заносили его на третий этаж вдвоём, останавливались на каждой площадке. Катя смеялась, Елена ругалась шёпотом, чтобы не напугать ребёнка у соседей. В прихожей стол наконец поставили, вытерли ножки и выяснили, что в кухню он тоже не помещается.

— Зато у нас теперь есть место, где никому не удобно есть, — сказала Катя.

Елена села на пол снять кроссовки. Дочь присоединилась, вытянула ноги. Им обоим стало смешно. Елена поймала себя на том, что не помнит, когда последний раз смеялась так свободно: без гостя, которому нужно поддержать настроение.

Утром Борис прислал даты поездки в декабре. Четыре дня, можно снять дом возле озера. Елена давно хотела уехать без рабочих звонков и ходить пешком. Однако предложенная неделя была самой загруженной: три корпоративных вечера подряд. Она написала, что не сможет. Борис ответил: «Ну придумай что-нибудь. У меня потом семья».

Она не собиралась обсуждать это с Катей. Дочь сама увидела имя на экране, когда телефон зазвонил на полу.

— Не будешь брать?

— Потом.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Нет. Господи, Катя. Я хочу выпить чай.

Они начали греть воду. Борис позвонил снова. Елена взяла трубку, отошла в комнату и объяснила про мероприятия. Он сказал, что она всегда найдёт причину работать, а потом жалуется, что они никуда не ездят. Она напомнила о предложенных ею ноябрьских датах. У него тогда был выезд с родственниками Ларисы.

— Значит, просто перенесём, — сказал он. — Чего ты сразу обижаешься?

Елена закончила разговор и вернулась на кухню. Катя поставила чашки и осторожно спросила:

— Ты правда обиделась?

— Это наши дела.

— Я не спрашиваю про ваши дела. Я спрашиваю про тебя.

Елена начала резать хлеб. Нож оказался тупым; она полезла в ящик за другим, не найдя, стала искать точилку. Катя ждала.

— Иногда мне хочется, чтобы хоть что-нибудь назначалось с учётом моего времени, — сказала Елена.

— Ты ему говорила?

— Конечно.

— Такими словами?

Елена посмотрела на дочь.

— Не надо разговаривать со мной как с ребёнком.

— Хорошо. Но ты и со мной так не разговаривай. Мне двадцать два. Я знаю, кто он.

Катя впервые сказала это прямо. Раньше они обходили тему. Когда дочь ещё жила дома, Борис заезжал, приносил фрукты и книги, помог однажды найти хорошего стоматолога. Катя благодарила его, была вежлива, затем уходила в свою комнату. Елена уверяла себя, что это обычная сдержанность подростка с посторонним взрослым.

— Я всегда знала, — сказала дочь. — Не все подробности. Но достаточно.

— И что ты обо мне думаешь?

— Сейчас? Что ты очень устала.

Елена положила нож. У неё неожиданно защемило глаза.

— Мне с ним было хорошо, Кать.

— Я верю.

— После папы я вообще не думала, что смогу с кем-то. Не хотела. А Борис не мешал нам. Ничего не требовал.

Катя опустила взгляд. Она плохо помнила отца; с каждым годом мать замечала, что дочерние воспоминания всё больше состоят из чужих рассказов. Елене иногда хотелось уточнить, что было на самом деле, а иногда она не могла забрать у Кати хорошую память ради точности.

— Но сейчас тебе нехорошо, — сказала дочь.

Елена не ответила. Вытерла руки полотенцем, хотя они были сухие.

— Ты думаешь, надо уйти?

— Я не знаю. Это ты решишь. Но я больше не хочу говорить тёте, что мы были вдвоём, когда ты ездила с ним. И не хочу заранее узнавать, могу ли приехать к собственной маме.

Елена вспомнила два случая. Катя спрашивала, не помещает ли. Она тогда сказала, что сегодня поздно, а потом сама позвонила утром, уточнив, не обиделась ли дочь. Та ответила, что всё нормально.

— Я не думала, что это так выглядит.

— Я знаю.

Они сели пить чай. Разговор не сделал Елене легче. Она чувствовала стыд за то, что заставляла дочь учитывать взрослую тайну, и злость на себя за желание спорить: ведь Катя всё-таки сказала правду. Ещё хотелось защитить Бориса. Он не запрещал никому приезжать. Он просто приходил в то короткое время, которое находил. Все остальные подстраивались сами.

Когда дочь ушла, Елена открыла рабочий календарь. Отметила ноябрьские выходные, которые предлагала Борису, и написала подруге Свете. Они когда-то вместе ездили на небольшие экскурсии, но последние годы редко совпадали. Света ответила почти сразу: «Я могу. Куда?»

Елена не знала. У неё было время, и никто не сообщил ей, как именно его провести. Она открыла карту, выбрала город в трёх часах езды, потом закрыла: хотелось сначала поговорить с подругой, а не организовывать очередную поездку це-

ликом.

Борис вечером спросил, решила ли она что-нибудь с декабрём. Елена ответила, что в декабре работает. Он прислал улыбающийся значок и фразу «Трудоголик ты мой».

Раньше ей понравилось бы последнее слово. Она долго смотрела на сообщение, пытаясь вспомнить, в какой момент перестала слышать в нём то, что слышала прежде.

Глава 7. Разговор дома

Ольга складывала бельё, когда Виктор сказал, что ему нужно поговорить.

Она попросила подождать: наволочки после сушки опять перекрутились, хотелось разобрать их, пока ткань оставалась тёплой. Он стоял у двери спальни, не снимая пиджака. Ольга посмотрела на него, отложила наволочку и отнесла уже сложенное бельё в шкаф.

— Что с Дашей?

— С Дашей всё нормально.

Он никогда не начинал разговор так, если речь шла о себе. Обычно сообщал обстоятельства сразу: куда едет, почему поздно вернётся, что нужно сделать. Ольга закрыла шкаф и села на край кровати.

— Тогда говори.

Виктор снял пиджак. Повесил на стул, сел в небольшое кресло напротив. Ольга заметила, что он выбирает место, где между ними остаётся больше расстояния, но не придавала этому значения, пока не услышала первую фразу.

— У меня есть другой человек.

Она подумала о болезни. Другой человек, который что-то обнаружил, хочет встретиться. Потом поняла. В комнате не стало тише, ничего не изменилось, но ей понадобилось несколько секунд, чтобы перевести взгляд с его лица на соб-

ственные колени.

— Женщина?

— Да.

— Давно?

— Почти два года.

Она встала. Не знала зачем. Дошла до дверного проёма, остановилась и вернулась. На кровати лежала одна несобранная наволочка. Ольга взяла её, затем отложила.

— Кто?

— Наталья. Фотограф. Ты видела её у Бориса.

Ольга вспомнила серую блузку и просьбу опустить подбородок. Вспомнила, как благодарила за снимок. Девушка — нет, взрослая женщина — говорила спокойно, смотрела прямо. Она знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.